

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-296-300

ХИМИЧ Татьяна Михайловна,
к.и.н., доцент кафедры «Теория права,
гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: mail@law-books.ru

КОБЗЕВА Екатерина Ивановна,
к.ю.н., доцент кафедры «Теория права,
гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: mail@law-books.ru

МАНИФЕСТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА: ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится анализ нормативно-технических особенностей Манифеста 19 февраля 1861 года и сопутствующих ему законодательных актов, регламентировавших отмену крепостного права в Российской империи. Делается вывод о том, что юридическая техника акта отражала политический компромисс, а не догматическую стройность, что обусловило длительные процедурные конфликты, административную перегрузку и необходимость последующей корректировки нормативной базы.

Ключевые слова: Манифест 1861 года, юридическая техника, отмена крепостного права, временнообязанное состояние, правоприменение, мировые посредники, реформа Александра II, нормативные акты Российской империи, Сенатское толкование, уставные грамоты.

KHIMICH Tatyana Mikhailovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Theory of Law,
Civil Law and Civil Procedure, RUTH Law Institute (MIIT)

KOBZEVA Ekaterina Ivanovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Theory of Law,
Civil Law and Civil Procedure, RUTH Law Institute (MIIT)

MANIFESTO FEBRUARY 19, 1861: THE LEGAL TECHNIQUE OF THE ABOLITION OF SERFDOM AND THE PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article analyzes the normative and technical features of the Manifesto on February 19, 1861 and the accompanying legislative acts regulating the abolition of serfdom in the Russian Empire. It is concluded that the legal technique of the act reflected a political compromise, and not a dogmatic harmony, which led to long procedural conflicts, administrative overload and the need for subsequent adjustment of the regulatory framework.

Key words: Manifesto of 1861, legal technique, abolition of serfdom, temporarily liable state, law enforcement, world mediators, reform of Alexander II, regulations of the Russian Empire, Senate interpretation, statutory letters.

Отмена крепостного права в Российской империи традиционно рассматривается в историографии как поворотный момент социально-экономической и поли-

тической модернизации. Манифест 19 февраля 1861 года, формально являясь верховным актом, функционировал не изолированно, а в комплексе с «Положениями о крестьянах, вышедших из кре-

постной зависимости», включавшими Общее положение, Местные положения, Правила о выкупе и Уставные грамоты. Юридическая природа данного массива носила гибридный характер: декларативные формулировки Манифеста сочетались с казуистическими нормами Положений, отсылками к местному обычаю и административным инструкциям. Подобная структура создавала правовое поле с высокой степенью интерпретационной вариативности, что, в свою очередь, трансформировало правоприменение в процесс постоянного нормотворчества «на местах».

Юридическая техника Манифеста 19 февраля 1861 года характеризуется принципиальным разделением функций между актом провозглашения и актами регулирования. Сам Манифест содержит преимущественно программные и декларативные нормы: фиксацию перехода крестьян в состояние свободных сельских обывателей, определение имущественных прав на усадьбную оседлость и полевые наделы, а также указание на сохранение повинностей до завершения выкупной операции [2, 4]. При этом текст лишён санкций, процедурных механизмов и чётких временных рамок реализации. Подобная техника объясняется политическим замыслом: акт должен был обеспечить легитимность преобразования, минимизировать восприятие его как насильственного изъятия собственности и сохранить символическую преемственность с самодержавной традицией «милости» монарха.

Детализация нормативного содержания была вынесена в «Положения», что с технико-юридической точки зрения создавало конструкцию отсылочного и бланкетного характера. Общее положение формулировало универсальные принципы: определение статуса временнообязанных, порядок составления уставных грамот, механизмы перевода на выкуп. Местные положения (для великороссийских, малороссийских, новороссийских, литовских, белорусских и прибалтийских губерний) дифференцировали размеры наделов, размеры повинностей и оценочные критерии, ориентируясь на исторически сложившуюся хозяйственную структуру и плотность населения [3]. С точки зрения теории юридической техники, подобная дифференциация была оправдана, однако она сопровождалась недостаточной систематизацией отсылок: нормы Местных положений нередко дублировали, уточняли или ограничивали Общее положение без чёткой иерархической координации, что порождало коллизии при выборе применимого правила.

Терминологический аппарат акта также демонстрирует технико-юридическую амбивалентность. Ключевые понятия («крестьяне,

вышедшие из крепостной зависимости», «временнообязанное состояние», «полевой надел», «усадьба») не получили дефиниций в тексте Манифеста, а были раскрыты в сопутствующих документах с различной степенью точности. Отсутствие легального определения «временнообязанного состояния» в частности привело к тому, что правоприменители на местах вынуждены были конструировать его содержание через призму административных циркуляров и судебной практики, что нарушало принцип правовой определённости.

Процедурные нормы акта 1861 года характеризуются высокой степенью казуистичности. Уставные грамоты, выступавшие основным инструментом фиксации прав и обязанностей, составлялись мировыми посредниками при участии выборных от крестьян и представителей помещиков. При этом процедура их утверждения, сроки обжалования, порядок внесения изменений и механизмы принудительного исполнения не были унифицированы. Юридическая техника реформы сознательно избегала жёсткой формализации, перекладывая функцию нормативной конкретизации на административный аппарат. Подобный подход, будучи политически целесообразным на этапе принятия акта, в правоприменительной плоскости трансформировался в источник системной нестабильности.

Переходный статус «временнообязанных» представлял собой гибридную правовую конструкцию, сочетавшую элементы личной свободы, имущественных ограничений и принудительной повинностной системы. С технико-юридической точки зрения механизм перехода строился на трёх опорах: фиксация надела, определение повинностей и процедура выкупа. Каждая из них содержала нормативные пробелы, предопределившие сложности правоприменения.

Нормы о наделах опирались на принцип «максимума» и «минимума», варьируемого в зависимости от региона и качества земли. Однако юридическая техника не предусмотрела чёткого механизма определения фактического качества угодий, порядка их межевания и разрешения споров о границах. Отсылка к «исторически сложившемуся пользованию» порождала ситуацию, при которой правоприменитель вынужден был реконструировать фактические отношения, часто противоречившие архивным данным или обычаям соседних общин. В результате уставные грамоты нередко фиксировали наделы, существенно отличавшиеся от фактического землепользования, что становилось источником многолетних судебных тяжб.

Механизм повинностей строился на принципе эквивалентности: размер оброка и барщины

должен был соответствовать доходности надела. Технически данная норма реализовывалась через оценочные таблицы, утверждённые для каждой губернии. Однако таблицы базировались на усреднённых показателях урожайности и рыночных цен, не учитывавших микроэкономические особенности хозяйств. Юридическая конструкция не предусматривала механизма периодического пересмотра оценок в связи с изменением конъюнктуры, климатическими колебаниями или демографическими сдвигами. В правоприменительной практике это выразилось в росте числа жалоб крестьян на «завышенную оценку» и одновременном сопротивлении помещиков пересмотру повинностей, что блокировало процедуру выкупа и затягивало временнообязанное состояние на десятилетия.

Выкупная операция, задуманная как завершающий этап перехода, столкнулась с институциональными ограничениями нормативной техники. Выкупная цена определялась как капитализированный оброк, умноженный на коэффициент 6%. При этом юридический статус выкупной сделки носил принудительно-договорной характер: государство выступало гарантом платежа, помещик получал выкупные свидетельства, а крестьяне становились должниками казны. Однако процедура оформления выкупа требовала согласия обеих сторон и утверждения уставной грамоты, что создавало ситуацию «двойного вето». Технические нормы не предусматривали механизма принудительного перевода на выкуп при отказе помещика или при невозможности достижения согласия крестьянского схода. В результате выкупная операция растянулась на полтора десятилетия, а временнообязанное состояние де-факто стало институтом длительного правоприменительного регулирования, а не переходной фазой.

Юридическая техника акта 1861 года предполагала, что основными субъектами правоприменения станут мировые посредники, уездные по крестьянским делам присутствия и губернские правления[1]. Однако институциональная архитектура реформы не обеспечила достаточной координации между этими органами, что привело к фрагментации правоприменительной практики.

Мировые посредники, назначаемые из числа местных дворян, совмещали функции администратора, судьи первой инстанции и медиатора. Технически данная конструкция была направлена на ускорение составления уставных грамот и снижение нагрузки на центральные органы. Однако на практике совмещение ролей порождало конфликт интересов: посредник, будучи представителем дворянского сословия, часто оказывался под

давлением местного помещичьего сообщества, тогда как крестьянские общины воспринимали его как инструмент принуждения. Нормативные акты не устанавливали чётких процедур отвода посредников, не определяли критерии независимости и не предусматривали механизмов внешнего контроля за их решениями. В результате многие акты правоприменения подвергались отмене в вышестоящих инстанциях, что затягивало процедуры и снижало доверие к институту.

Уездные по крестьянским делам присутствия, призванные осуществлять надзор и разрешать коллизии, столкнулись с проблемой нормативной перегрузки. Отсутствие единой системы толкования отсылочных норм, дублирование функций с губернскими правлениями и отсутствие унифицированных процессуальных правил приводили к тому, что аналогичные дела в соседних уездах решались по-разному. Архивные материалы свидетельствуют о случаях, когда присутствия отменяли уставные грамоты по формальным основаниям, не вдаваясь в экономическую целесообразность, или, напротив, игнорировали процессуальные нарушения ради сохранения «общественного спокойствия». Подобная вариативность не была следствием произвола, а вытекала из структурной неопределённости нормативного массива.

Отдельную проблему представляла процедура обжалования. Нормы 1861 года не создавали единой апелляционной системы: крестьяне могли обращаться к мировому посреднику, затем в уездное присутствие, далее в Сенат, параллельно используя административные каналы через Министерство внутренних дел. Отсутствие чёткой иерархии жалоб и дублирование юрисдикций порождали «параллельные процессы», при которых одно и то же требование рассматривалось в разных инстанциях с различными исходами[5]. Юридическая техника не предусматривала механизма преюдиции, что делало правоприменение крайне ресурсоёмким и непредсказуемым.

Региональные различия в реализации реформы также демонстрируют ограничения нормативного проектирования. В чернозёмных губерниях, где земля представляла высокую коммерческую ценность, помещики стремились максимизировать отрезки и зависить оценки, что приводило к массовым отказам от уставных грамот и крестьянским выступлениям. В нечернозёмных регионах, где доходность земли была ниже, конфликт смещался в плоскость оброчных платежей и выкупных сроков[2]. Нормативные акты, будучи едиными по форме, не содержали механизмов адаптации к макроэкономическим колебаниям,

что вынуждало правоприменителей импровизировать, нарушая принцип правовой определённости.

По мере накопления правоприменительных коллизий центральные органы власти были вынуждены переходить от пассивного наблюдения к активному нормативному регулированию через разъяснения, циркуляры и Сенатские решения. Данный процесс отражал системную слабость первоначальной юридической техники: нормы, задуманные как завершённые, требовали постоянного интерпретационного сопровождения.

Правительствующий Сенат, выступая высшим органом толкования, в первые годы после 1861 года издавал разъяснения, носившие преимущественно казуистический характер. Решения формулировались по конкретным жалобам и не всегда систематизировались, что создавало фрагментированную практику [5]. Тем не менее, к концу 1860-х годов Сенат начал формировать устойчивые подходы: признание приоритета фактического землепользования над архивными данными, ограничение права помещиков на произвольное изменение повинностей, признание незаконности «отрезков», превышающих установленные нормы. Данные позиции постепенно кристаллизовались в административные инструкции, которые, однако, не имели силы закона и носили рекомендательный характер.

Министерство внутренних дел, отвечавшее за оперативное руководство реформой, издавало циркуляры, направленные на унификацию процедуры составления уставных грамот и контроля за мировыми посредниками [1]. Технически данные акты восполняли пробелы первоначального нормативного массива, однако их правовой статус оставался неопределённым. В ряде губерний циркуляры применялись как обязательные нормы, в других игнорировались как «незаконотворческие распоряжения». Подобная двойственность подрывала единообразие правоприменения и создавала почву для злоупотреблений.

Судебная практика мировых судов и окружных судов второй половины 1860-х – 1870-х годов демонстрирует постепенный сдвиг от административного к юрисдикционному разрешению споров. После введения Судебных уставов 1864 года крестьянские дела начали рассматриваться в рамках общей судебной системы, что повысило процедурную определённость, но одновременно создало новую проблему: суды, ориентированные на формальную законность, зачастую игнорировали экономическую и социальную специфику временнообязанных отношений [2, 4]. В результате возникали решения, юридически безупречные, но социально неустойчивые, что требовало последующей корректировки через кассационные инстанции.

К началу 1880-х годов стало очевидно, что первоначальная юридическая техника реформы не выдержала давления правоприменительной реальности. Законодатель был вынужден принять серию корректирующих актов, упростивших процедуру выкупа, ограничивших отрезки, установивших предельные сроки временнообязанного состояния. Данные меры свидетельствуют о том, что нормативный массив 1861 года функционировал не как завершённая система, а как каркас, требующий постоянного донстройки через правоприменительную и законотворческую активность.

Анализ юридической техники Манифеста 19 февраля 1861 года и сопутствующих нормативных актов позволяет сделать вывод о её компромиссном и функционально ограниченном характере. Декларативность Манифеста, бланкетность Положений, терминологическая неопределённость ключевых понятий и отсутствие унифицированных процедур создали правовое поле с высокой степенью интерпретационной вариативности. Подобная конструкция была политически оправдана на этапе принятия реформы, однако в правоприменительной плоскости она трансформировалась в источник системной нестабильности, административной перегрузки и длительных сословных конфликтов.

Историко-правовой опыт 1861 года демонстрирует взаимосвязь между качеством юридической техники и устойчивостью правоприменения. Нормативный акт, не обеспечивающий процедурной определённости, терминологической точности и институциональной координации, неизбежно порождает интерпретационные конфликты, снижает легитимность права и требует длительного коррекционного регулирования.

Список литературы:

- [1] Гребенщикова И.В. Правовой статус мировых посредников в период проведения крестьянской реформы в Российской империи // Вестник уральского юридического института МВД России, № 4 (48), 2025, С. 19-24.
- [2] Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- [3] Конец Крепостничества В России Документы, Письма, Мемуары М.: Изд. Во МГУ, 1994.
- [4] Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Изд. «Политиздат», 1991.
- [5] Семиколонов М. В., Пахомова А. А. Анализ основных положений реформы от 19 февраля 1861 года: вопросы собственности на землю // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы (секьюритология): материалы

V международной научно-практической конференции, г. Новокузнецк, 2-3 декабря 2021 г. / отв. ред. д-р. филос. наук, доц. Э.И. Забнева; ред. кол. канд. экон. наук Ю.А. Кузнецова [и др.]. – Кемерово: ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева», филиал КузГТУ в г. Новокузнецке, 2021., С. 449-452.

References:

[1] Grebenshchikova I.V. Legal status of world mediators during the period of peasant reform in the Russian Empire//Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 4 (48), 2025, pp. 19-24.

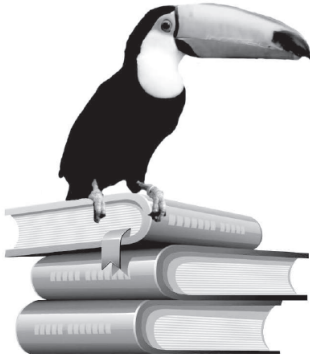
[2] Zayonchkovsky P. A. Abolition of serfdom in Russia. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954.

[3] The End of Serfdom in Russia Documents, Letters, Memoirs M.: Ed. At Moscow State University, 1994.

[4] Litvak B.G. The 1861 coup in Russia: why the reform alternative was not realized. M.: Ed. Politizdat, 1991.

[5] Semikolenov M.V., Pakhomova A.A. Analysis of the main provisions of the reform of February 19, 1861: issues of land ownership//Issues of modern science: problems, trends and prospects (securitology): materials of the V international scientific and practical conference, Novokuznetsk, December 2-3, 2021/resp. ed. Doctor of Philosophy, Science, Assoc. E.I. Zabneva; ed. Col. Ph.D. in Economics, Yu.A. Kuznetsova [et al.]. - Kemerovo: FSBEI HE "Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev," branch of KuzSTU in Novokuznetsk, 2021, pp. 449-452.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.